

ки А. Шнітке: встановлюються провідні композиційні принципи, що формують особливу авторську модель полістилістики у творчості композитора.

Ключові слова: полістилістика, соната, діалогічність, цитатність, колаж, алюзія.

Gribinenko G. Polistilistics aspects of the composer's poetics Alfred Schnitke (for example chamber-instrumental works). The article offers a general description of chamber-instrumental works by Alfred Schnitke. Particular attention is paid sonata the composer's works. Their example reveals polistilistics aspects of the composer poetics Alfred Schnitke: the leading established compositional principles, which form a special author polystylistics model in the works of the composer.

Keywords: polystylistics, sonata, dialogue, citation, collage, allusion.

УДК 781.68:78.083.6:78.082.1

О. Сергеева

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖАНРА ДУМЫ-БАЛЛАДЫ ВО ВТОРОЙ СИМФОНИИ Б. ЛЯТОШИНСКОГО

Статья посвящена проблеме интерпретации жанра думы-баллады во Второй симфонии Б. Лятошинского. Отмечена родственность жанровой специфики думы и баллады. Обозначен и произведен анализ особенностей проявления феномена композиторской интерпретации жанра думы-баллады во Второй симфонии Б. Лятошинского.

Ключевые слова: дума-баллада, жанр, эпическое, симфония, интерпретация.

Дума-баллада, являясь одной из жанровых разновидностей категории эпического, становится интерпретационным материалом в формировании музыкального текста Второй симфонии Б. Лятошинского.

Исследование данной коммуникативно-жанровой проблематики не получило достаточного освещения в музыковедческой литературе. Например, Н. Гордийчук, анализируя Вторую симфонию Б. Лятошинского, указывал на жанр баллады (без последующего выявления подтекста его семантического уровня) через основную мелодию Второй части — «широку, народного складу баладну тему» [3, с. 87]; И. Бэлза о жанре думы-баллады писал следующее: «Но есть во Вто-

рой симфонии и принципиально новый для Б. Лятошинского прием, органически связанный с обращением к жанру думы-баллады <...> Что же касается трехчастной Второй симфонии, то здесь, помимо сумрачного «запева», которым открывается первая часть, вся вторая часть вплотную примыкает к жанру думы-баллады. «Запев» этой части — одна из лучших мелодических находок композитора, поручившего звучащую здесь поэтическую, сосредоточенно-скорбную мелодию бассетгорну на фоне аккордов арфы и струнных в низком регистре *pizzicato*» [2, с. 22].

Цель статьи — отметить родственность жанровой специфики думы и баллады; обозначить и произвести анализ особенностей проявления феномена композиторской интерпретации жанра думы-баллады во Второй симфонии Б. Лятошинского.

Творческое переосмысление жанра думы-баллады в полной мере присутствует во Второй части музыкального текста партитуры Второй симфонии Б. Лятошинского. Здесь присутствие балладных и думовых отличительных признаков обозначено, прежде всего, в начальной композиторской ремарке темпового указания — *Lento e tranquillo (Alla ballata)*. Характерность данного темпа состоит не только в скорости музыкального развертывания, но также и в направленности на подтекст определенной жанровой специфики. В частности, родственность баллады и думы была отмечена некоторыми исследователями. Например, авторитет в сфере балладного жанра Ч. Згожельский считал, что «польський літературний романтичний баладі передувала дума, яка на польському літературному ґрунті мала певні ознаки сентименталізму з виразними французькими впливами» (цит. по: [13, с. 85]); Ю. Ковалив относил думу к эпическому жанру «українського фольклору, який генетично пов'язаний з голосіннями, історичними піснями та баладами» [6, с. 307]; Л. Тарнашинская указывала: «Балада певною мірою споріднена з думою <...> Специфічною ознакою української національної балади є її спорідненість з думою...» [14, с. 319, 321]; Л. Петрухина обращала внимание на мобильность жанра баллады, а именно: «І якщо *баладний центр* визначається доволі чітко, то *баладне поле* не піддається виразній класифікації, а *кордони балади* є взагалі розмитими, розпливчастими, що може сприяти перетіканню *балади* в інші поетичні жанри, тобто зумовлює її певну «хамелеонність» [13, с. 89].

В свою очередь некоторые исследователи синонимизировали термины «баллада» и «дума». Например, Я. Головацкий баллады

именовал «думами о событиях обыкновенных лиц» [10, с. 37–91; 11, с. 14–42]; О. Кольберг баллады обозначал как бытовые думы¹.

Наряду с этим, представители научной мысли отмечали не только взаимодействие баллады с другими жанрами, но также в думе выявляли различные жанровые признаки, в т.ч. и баллады. Так, С. Грица в первом случае отмечала следующее: «Баллада легко вступает в связи с другими жанрами, приобретая при этом новые атрибутивные свойства» [4, с. 104], во втором — «для середньовічного лицарського епосу, яким є думи, жанрові витоки доволі різноманітні. Це й давні епічні твори Київської Русі — билини, наративна пісенність, зокрема, *балади*, агіографічна писемна література про життя святих, їх паломництво, світська поезія, музика. Всі елементи названих жанрів наявні в думах» (курсив наш. — О. С.) [5, с. 29].

Такие жанровые составляющие баллады, как лиро-эпическое родовое наклонение, допускающее возможность проявления драматизма, содержательные элементы фантастики и героики, а также необычайное, находят свое яркое претворение, прежде всего, во Второй части Второй симфонии Б. Лятошинского.

«Ввібравши у себе всі ознаки ліро-епосу та драми, балада як своєрідне міжродове жанрове утворення», предоставила возможность Б. Лятошинскому «художньо змоделювати життя [музичного тексту] на трьох його пластах: подієвому, психологічному та напружено-драматичному» [14, с. 322]. Так, мелодия основной темы Второй части, звучащая в духе «запева», отображает лиро-эпическое пространство баллады. Одновременно эта мелодия сопоставима с напевом думы. Ее повествовательно-речевая интонационность интерпретирует неспешную, протяжно-спокойную манеру рассказывания певца-сказителя. Плавный контур мелодической линии, оттененный триолями в рамках четырехдольного метра, органично вплетает многократно повторяющуюся в восходящем и нисходящем движении выразительную квартовую интонацию, а также восходящий ход на чистую квин-

¹ Эта ситуация была актуализирована некоторыми учеными. Например, С. Грица писала: «Я. Головацкий называл баллады думами об обыкновенных событиях <...> О. Кольберг — «бытовыми думами»» [4, с. 103], П. Линтур сообщал: «В прикарпатских украинских землях ... отмечается широкое бытование народной баллады. Последняя занимает чуть ли не доминирующее место в знаменитом монументальном сборнике Я. Головацкого «Народные песни Галицкой и Угорской Руси». В первом и третьем томах этого сборника баллады напечатаны под рубрикой «Думы о событиях обыкновенных лиц» ... Но и среди «дум былевых, воинских, рекрутских, господарских», как их называет автор, и других нередко можно встретить балладные сюжеты» [9, с. 127].

ту. Дополнением лирическому родовому наклонению темы служит динамическое пространство тихой звучности на *p*, оттененное волнообразным *crescendo* и *diminuendo*, а также ремарка *cantabile espr.*; эпическому — признак «необычайного», происходящий из балладных сюжетов, основой которых являются «необычайные жизненные происшествя и ситуации» [4, с. 102]. Этот признак соотносим с использованием альтовой разновидности кларнета — бассетгорна, чей особенный, «поэтический и благородный тембр» [1, с. 29] органично сочетается с характерной окраской звучания чередующихся арпеджированных больших септаккордов арфы. Наряду с этим, красочная тембральность и специфическая манера звукоподачи арфы сопоставимы с игрой на бандуре. Интерпретирование звучания данного инструмента указывает на исполнительскую традицию кобзарей, репертуар которых содержал не только думы, но и баллады: «На Украине в XVI–XVII вв. баллада входила в репертуар кобзарей ... Ее тематика на восточно- и южнославянской почве отражала преимущественно сельский быт и жизнь малых городов. В значительном количестве балладных песен нашла отражение борьба с турецко-татарским нашествием. На этом историческом фоне разворачиваются в них драматические коллизии, различные трагедии, врывающиеся в жизнь людей» [4, с. 110]. В свою очередь, «кобзарі... могли будь-який сюжет розспівати в органічному для них стилі дум» [5, с. 29].

Поскольку в балладе «драматическое начало является непреходящим жанровым признаком и имеет равную роль с эпическим и лирическим» [7, с. 7], то во Второй части Второй симфонии Б. Лятошинского оно присутствует на уровне тематического материала основной темы и главной партии Первой части. В данном случае начальный мотив главной партии Первой части активно внедряется в «широке й тривале, типове для Б. Лятошинського симфонічне наростання» [3, с. 89] вариационного проведения основной лиро-эпической темы, знаменуя начало среднего раздела сложной трехчастной формы (ц. 30, т. 4). На протяжении динамичного процесса модификации данного мотива «велику роль у драматизації вислову відіграє остинато басів, що послідовно переходить від інструмента до інструмента (бас-кларнет, фаготи, контрабаси, знову бас-кларнет і т. д.)» [3, с. 89], стремительная интенсификация громкостной звучности, охватывающая широкий спектр своего проявления (*ff* — *sff* — *pp* — *p* — *mp* — *p* — *mf* — *f* — *ff* — *pp* — *p* — *mp* — *f* — *fff*), а также образно-исполнительская ремарка *Con moto e poco a poco più agitato*.

Поскольку «балада як жанр оповідальний містить короткий, але напружений сюжет, що ґрунтується на драматичному діалозі» [8, с. 199], то в остинатном переходе от инструмента к инструменту прослеживается «типичн[ая] для баллад диалогическ[ая] форм[а] изложения текста, динамичность действия» [4, с. 107].

Помимо драматического развития материала главной партии Первой части (средний раздел) драматическое перевоплощение получает основная тема Второй части (реприза). Появившись после мощного кульминационного звучания (*fff*), оттененного длительной фермой, она становится продолжением и утверждением драматического повествования (ц. 70, т. 4). Ее эмоционально-образным выражением «у гранично драматизованому вигляді» [3, с. 89] становятся три фазы развития, а именно:

1) унисонное звучание медных духовых инструментов, виолончелей и контрабасов, подчеркнутое ремаркой *f e cant. pesante* (ц. 70, т. 4 — ц. 75, т. 2);

2) изложение струнных (без участия контрабасов), оттененное ремаркой *ff cantabile espress.* (ц. 75, т. 2 — ц. 80, т. 2);

3) выразительное (*cantabile*) унисонное звучание медных духовых инструментов на *ff*, стремительно завершающееся громкостно-динамическим нарастанием — *sfff* (ц. 80, т. 3 — ц. 85).

«Фантастическое», как отличительный признак жанра баллады, во Второй части рассматриваемой симфонии Б. Лятошинского отражено с помощью 2-й темы вступления. Она демонстрирует такую особенность баллады, как связь «с древними народными фантастическими легендами, сказками» [4, с. 102]. Причем ее фантастическая образность одновременно позиционирует и «необычайное», «чудесное». В результате логичным становится соотношение 2-й темы вступления и основной темы Второй части. Их «необычайность» представлена разными способами: в первом случае темброво-инструментальным¹, во втором — интонационно-ритмически-гармоническим с привнесением тембральной специфичности.

В добавление к этому основная тема Второй части интерпретирует «людину, героя», 2-я тема вступления — объективный мир, «який вважається таємничим і нерозгаданим». В результате можно говорить об интерпретировании ситуации, при которой «зіткнення конкрет-

¹ Отметим, что Н. Гордийчук «необычайность» основной темы Второй части обнаруживает в аккомпанирующем сопровождении арфы, представленном «таємничими, функціонально «застиглими»... великими септакордами в гармонії» [3, с. 88].

ної земної людини зі світом, повним таємничостей і незвичайностей, зі світом фантастики і загадковості надає сюжету балади особливості ефектності і своєрідності» [цит. по 8, с. 200].

«Необычайное», «чудесное» основной темы Второй части и 2-й темы вступления находит свое проявление в их интонационно-ритмической близости. Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в 1-м разделе Второй части симфонии. Здесь в третьей фазе развертывания фантастической мелодии 2-й темы вступления, исполняемой фаготами, альтами и контрабасами, очевидно наличие признаков основной темы (ц. 10, т. 5 — ц. 15). Происходит балансирование между такими интонационно-ритмическими характеристиками двух тем, как триоль, оттягивающая длительность-нота, секундовые ходы, восходяще-нисходящая направленность мелодического контура, восходящая интонация в начале повествования темы.

Вместе с тем «необычайное» основной темы Второй части усиливает свое проявление во внедрении ее в фантастическое пространство развития 2-й темы вступления (ц. 15, т. 2 — ц. 30, т. 4). Здесь «фантастичный колорит обарвлюється... проведення баладної теми доручене тепер віолончелям, які співають її широко, превільно. Супровід її — це свого роду суміш особливостей експозиційної фактури з «фантастичним» епізодом, де арфа, підтримувана фаготом і контрабасами, «віддзвонює» свої акорди, а фігурації продовжують подвоєні кларнетами альти» [3, с. 88].

Также окончательное утверждение проявления «необычайного»/«чудесного» на уровне фантастической 2-й темы вступления и основной темы Второй части присутствует в Третьей части симфонического цикла, а именно:

а) интонации 2-й темы вступления вплетаются в аккордовое движение скрипок заключительной партии в экспозиции Третьей части (ц. 55, т. 4 — ц. 70, т. 4);

б) балладно-думовая мелодия основной темы Второй части контрапунктирует с лирической темой побочной партии Третьей части, охватывающей две волны развертывания во втором разделе разработки Финала симфонии (ц. 115 — ц. 145, т. 2; ц. 145, т. 3 — ц. 155, т. 2). Здесь проявление «необычайного»/«чудесного» представлено в скрытом виде, тем самым подчеркивая и добавляя новый колорит в семантику лиро-эпического звучания.

Героика, как одна из жанровых составляющих баллады и думы, выражена при помощи постепенной героизации основной темы Вто-

рой части. Ее победно-героический оттенок особенно ярко слышен перед разработочным эпизодом, основным структурирующим материалом которого становится начальный мотив главной партии Первой части (ц. 30 — ц. 30, т. 4). Здесь основная тема дважды звучит у трембона на *f* в виде первоначального однотокового мотива. В результате присутствие в эпическом повествовании симфонии фантастики и героики обосновано, так как «фантастика в народном эпосе — универсальный способ героизации истории предков, и чем архаичнее эпос по своей художественной форме, тем больше в нем фантастических сюжетов» [12, с. 10].

Таким образом, понимание и интерпретирование Б. Лятошинским устоявшихся канонов жанра думы-баллады во Второй симфонии демонстрирует концепционные принципы творческого процесса композитора, их оригинальность и своеобразие.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Благодатов Г. Кларнет / Г. Благодатов. — М. : Музыка, 1965. — 59 с.
2. Бэлза И. Композитор, гражданин, учитель / И. Ф. Бэлза // Борис Лятошинский. Воспоминания. Письма. Материалы : в 2 ч. / [сост. Л. Н. Грисенко, Н. И. Матусевич; коммент. Л. Н. Грисенко] Ч. 1. — К. : Муз. Україна, 1985. — С. 7–35.
3. Гордійчук М. Друга симфонія Б. Лятошинського / М. Гордійчук // Українське музикознавство. — К. : Муз. Україна, 1968. — Вип. 3. — С. 80–94.
4. Грица С. Баллады / С. И. Грица // Украинская песенная эпика. — М. : Сов. композитор, 1990. — С. 102–113.
5. Грица С. Підготовка академічного видання найцінніших пам'яток українського фольклору — народних дум / С. И. Грица // Народна творчість та етнографія. — К., 2004. — № 6. — С. 28–37.
6. Дума // Літературознавча енциклопедія : у 2 т. / [автор-укладач Ю. І. Ковалів]. Т. 1. — К.: ТОВ ВЦ «Академія», 2007. — С. 307–308.
7. Ковылин А. Русская народная баллада: происхождение и развитие жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.00.09 «Фольклористика» / А. В. Ковылин. — М., 2003. — 22 с.
8. Крохмальний Р. Балада народна і літературна: когерентність світів / Р. Крохмальний // Вісник Львівського ун-ту. Серія філологічна : [зб. наук. статей / упоряд. Р. Марків, А. Вовчак]. — Львів : Львівський нац. ун-т ім. І. Франка, 2010. — Вип. 43. — С. 198–207.
9. Линтур П. Народные песни-баллады Закарпатья / П. В. Линтур // Вопросы литературы. — 1958. — № 5. — С. 126–151.

10. Народныя пiсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ф. Головацким : в 3 ч. / [автор-сост. Я. Ф. Головацкий]. Ч. I. — М. : В Университетской типографии (М. Катков), 1878. — 388 с.

11. Народныя пiсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ф. Головацкимъ : в 3 ч. / [автор-сост. Я. Ф. Головацкий]. Ч. III. — М. : Въ Университетской типографии (М. Катков), 1878. — 523 с.

12. Петросян А. О героическом эпосе народов Советского Союза / Арфо Петросян // Героический эпос народов СССР : в 2 т. / [вступ. ст., сост. и прим. А. А. Петросян]. — Т. 1. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 5–28.

13. Петрухіна Л. Слов'янська балада епохи романтизму: генеза і проблема жанру / Л. Петрухіна // Проблеми слов'язнавства : [зб. наук. пр. / Львівський нац. ун-т імені І. Франка ; гол. ред. В. Чорній]. — Львів, 2005. — Вип. 55. — С. 79–90.

14. Тарнашинська Л. Балада у творчості українських шістдесятників: модифікації жанру (слов'янський контекст) / Л. Тарнашинська // UCRAINI-CA III. SOUČASNÁ UKRAJINISTIKA. Problémy jazyka, literatury a kultury : Sborník článků. — Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2008. — № 28. — St. 319–326.

Сергеева О. До проблеми інтерпретації жанру думи-балади у Другій симфонії Б. Лятошинського. Стаття присвячена проблемі інтерпретації жанру думи-балади у Другій симфонії Б. Лятошинського. Відзначена спорідненість жанрової специфіки думи та балади. Позначений і проведений аналіз особливостей прояву феномена композиторської інтерпретації жанру думи-балади у Другій симфонії Б. Лятошинського.

Ключові слова: дума-балада, жанр, епічне, симфонія, інтерпретація.

Sergeeva O. To the problem of the interpretation of the genre duma-ballad in the Second Symphony of B. Lyatoshynsky. The subject of the article is the problem of duma-ballad genre interpretation in the Lyatoshynsky's Second Symphony. The cognation of genre specificity of the duma and ballad was marked. The analysis of the phenomenon duma and ballad genre of the composer's interpretation in the Lyatoshynsky's Second Symphony is made.

Keywords: duma-ballad, genre, epic, symphony, interpretation.

